

УДК 316.354:351/354

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

А. К. Мамедов

МГУ имени М.В. Ломоносова

В статье поднимаются актуальные вопросы различной интерпретации социального знания. Приведены точки зрения выдающихся ученых в различных областях наук, имеющих межпредметные связи с социологией. Привлечен обширный материал большого исторического периода от Аристотеля до наших дней. Выводы статьи могут служить фундаментальной основой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальное познание, социальные теории, научный анализ, принцип историзма, социальный порядок.

Как известно, социальное познание системно отличается от естественнонаучного по методам как эмпирического, так и теоретического исследования, что обусловлено, в конечном счете, различием в самой природе объектов этих областей научного знания. Многое из того, что доступно и имманентно естествознанию, недоступно или неприменимо в социально-гуманитарных науках, и, наоборот. В частности, в социальных науках широко используется такой метод сбора эмпирической информации, как опрос, а в естествознании он вряд ли возможен. В области теоретических методов в социально-гуманитарном познании широко используется телеологическое объяснение социальных явлений, — объяснение из целей, преследуемых теми или иными объектами познания (социальными субъектами), — а в естественных науках с такого рода объяснениями дело обстоит иначе. В физических науках оно совершенно запрещено и допустимым считается только объяснение из причин (каузальное); в биологических же науках оно допускается наряду с каузальным объяснением, но только — в своей бессознательной модификации (живые организмы устроены целесообразно, но целесообразность не является планомерной реализацией чьего-либо предварительного замысла). Но в социальных науках допускаются и признаются все указанные методы объяснения социальных явлений — каузальное и телеологическое в обеих его модификациях.

В то же время, естественнонаучное и социально-гуманитарное познание одинаково исходят из общих принципов производства знания, и поэтому одинаково относятся к области научного познания, отличаясь в том от религиозного, художественного, морального и иного. Наука стремится к получению не только и не просто полезного знания о своих объектах, но при этом и знания обязательно истинного. И, хотя наука так же, как и все остальные формы сознания способна впадать в заблуждения и ошибки, но не готова мириться с этим и нацелена на то, чтобы избавиться от них и прийти к познанию именно истины, а не ее противоположности.

Но на этом пути науку, как это явствует из истории, постоянно подстерегают множество сложностей и ловушек сознания, исследованию которых посвящены усилия социологов, эпистемологов и методологов науки, цель которых — исследование самой возможности и необходимых условий достижения истинного знания. Несомненно, одним из выдающихся философов, внесшим весомый вклад в современную методологию научного познания, является британский ученый К. Поппер, который, в отличие от многих других (не менее выдающихся) специалистов в этой области знания, — Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса — уделял внимание в равной степени, как проблемам естественнонаучного, так и проблемам социально-гуманитарного познания, оставив заметный след в обеих областях познания. Более того, его размышления над проблемами социальных теорий (как об этом неоднократно говорил сам Поппер) и способствовали выработке общей теории научного познания, которую автор определял как концепцию «критического рационализма». Важнейшей чертой его концепции — и это следует особенно подчеркнуть — является то, что она не допускает отступ-

ления от принципов рациональности научного познания, в то время как альтернативные ей концепции — Т. Куна, П. Фейерабенда, отчасти М. Полани и др., — допускают в научное познание некоторую дозу иррациональности. Поэтому, именно методология научного познания, развитая в работах Поппера, приобрела в настоящее время наибольшее влияние [10].

Что же касается области социальных наук, то, как известно, Поппер на протяжении практически всей жизни открыто боролся с тем широким и восторженным признанием, которое получила социальная теория К. Маркса. Во многом последняя пользуется таким признанием и до сих пор, хотя уже и не столь широким. В настоящей работе мы рассмотрим только две, — но очень важные и во многом связанные, — проблемы, поставленные Поппером на основе анализа особенностей социальной теории Маркса (и ей подобных). Это — проблема так называемого «историцизма» и проблема использования диалектической логики в социальном познании.

Решения этих проблем, предложенные Поппером, уже вошли в число признанных достижений современной науки и актуализированы в социальном познании, являясь, на наш взгляд, не вполне корректными. В любом случае, их дальнейший углубленный анализ будет способствовать нахождению более точных и истинных решений и существенному уточнению наших взглядов на социальное познание в целом. Вначале рассмотрим проблему так называемого «историцизма» (термин Поппера) как более простую и ясную. В то время, когда научная деятельность К. Поппера еще только начиналась (20-е -30-е годы XX века), социальная теория Маркса являлась одной из самых влиятельных, а, возможно, и самой влиятельной концепцией в социальных науках [7]. В качестве примера наивысшей оценки этой теории в тот период, можно привести известное высказывание В.И. Ленина: «Учение Маркса все-таки, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [4].

Сегодня с подобной оценкой теории Маркса согласно уже, по-видимому, лишь явное меньшинство, в чем повинны, конечно, не только фактическое развитие событий после Маркса и Ленина и накопленный современным обществом социальный опыт, но также и рациональная критика самой теории Маркса учеными, в числе которых одно из первых мест принадлежит, несомненно, и самому К. Попперу. Тем не менее, авторитет теории Маркса в настоящее время если и сильно померк, то не исчез полностью, а во многом и сохраняет свое влияние. В качестве примера современной и более сдержанной, но при этом твердо положительной оценки можно привести высказывание известного английского историка Дж. Тоша, связанное с попытками полностью выбросить теорию Маркса «на свалку истории»: «Сейчас еще рано утверждать, — пишет он, — какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989-1992 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов. ... нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории» [11]. Но в середине века (речь идет, разумеется, о XX веке), когда критический анализ Поппера еще только набирал силу, научный авторитет теории Маркса был практически безоговорочным. В тот период даже крайние идеологические противники отдавали должное достоинствам его теории: «Марксизм, — писал З. Бжезинский, — представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой ... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого

изучения»[1]. Тем более важными и смелыми представляются научные усилия Поппера, который тогда практически полностью отвергал социальную теорию Маркса и критически атаковал со всех основных направлений ее анализа — логического, методологического, содержательного и т.д. Хотя «историцизм» Поппер приписывал не только марксизму в целом, но и ряду других социальных течений, но детальную критику представил именно на примере теории Маркса, что хорошо объясняется вышеуказанными обстоятельствами. К тому же для Поппера это было и делом принципиальным, ибо он стремился к открытой критике своего оппонента и не хотел, чтобы его заподозрили в «скрытой критике» [10].

Итак, в чем же, по мнению самого Поппера, заключена фатальная ошибка «историцизма»? «Центральные идеи историцистского метода и, в частности, марксизма, — пишет К. Поппер, — таковы:

(а) Несомненно, что мы можем предсказывать солнечные затмения с высокой степенью точности и далеко в будущее. Почему же мы не могли бы предсказывать революций? Если бы социальный ученый в 1780 году знал об обществе хотя бы половину того, что знали об астрономии древние вавилонские астрологи, то он смог бы предсказать Французскую революцию.

Фундаментальная идея, что революции можно предсказывать точно так же, как солнечные затмения, — продолжает Поппер, — порождает следующее понимание задачи социальных наук:

(б) Цель социальных наук в принципе ничем не отличается от цели естественных наук — делать предсказания, точнее, исторические предсказания о социальном и политическом развитии человечества.

(в) Как только эти предсказания сделаны, можно определить задачи политики. Она должна смягчать «родовые муки» (как говорил Маркс), неизбежно сопровождающие предсказанные и неотвратимые политические изменения.

Эти простые идеи, в частности, мысль о том, что целью социальных наук являются исторические предсказания, например, предсказания социальных революций, — заключает Поппер, — я буду называть историцистской доктриной социальных наук. Мысль о том, что политика должна облегчать родовые муки неизбежных политических изменений, я буду называть историцистской доктриной политики. Обе эти доктрины можно рассматривать как части более широкой философской схемы, называемой историцизмом, а именно: той точки зрения, что история человечества следует некоторому плану, и если нам удастся разгадать этот план, мы получим ключ к будущему» [10]. И далее Поппер развивает свою критику «историцизма», построенную на том, что общество сильно отличается от таких «замкнутых и чисто механических систем» как солнечная система, работающая «как часы», что и позволяет делать относительно нее очень точные и далеко идущие предсказания. Но общество, указывает Поппер, не является такой механической системой, поэтому и такие предсказания в нем невозможны.

Нет смысла детально рассматривать аргументацию Поппера, поскольку его ошибка слишком очевидна. Критикуется не сама теория Маркса, а некоторый приписанный ей образ, созданный самим Поппером (или заимствованный у кого-то?). Дело в том, что ни Маркс с Энгельсом, ни их последователи — марксисты — не претендовали на точность предсказаний, соизмеримую с точностью астрономических вычислений. Аналогия, предлагаемая здесь Поппером, совершенно неуместна. Но проблема «историцизма», поднятая Поппером, этим, конечно, не снимается, поскольку теория Маркса и действительно содержала некоторого рода исторические предсказания, научность которых действительно нуждается в рациональной критической оценке. В частности, теория Маркса содержала в себе предсказание о неизбежности социальной революции в Европе. Не назначая никаких точных сроков, Маркс и Энгельс, тем не менее, доказывали неизбежность, столь же неотвратимую, как и те же солнечные затмения, которые ведь обязательно должны наблюдаться при данных условиях взаимного движения небесных тел. При этом, хотя субъективно (психологически) основатели марксизма, естественно, хотели увидеть предсказанную социальную революцию еще при

жизни и потому действительно часто и лично ошибались, принимая те или иные события того времени, например, «революции» 1848 и 1870 гг, за ее начало и вскоре разочаровываясь в ожиданиях. Но эти их личные «предсказания» не следует путать с тем предсказанием, которое логически следовало из их теории. В последнем не было (и не могло) точного указания не только на сроки данного события, но даже — и на детальные признаки наступления. Поэтому, не зная, когда именно случатся («созреют») «социальные затмения», основатели марксизма, тем не менее, нисколько не сомневались, что рано или поздно они должны будут произойти, ибо это следовало из их теории, в истинности которой они были уверены. С одной стороны, она основывалась, конечно, и на простой эмпирической закономерности, уже вполне выясненной к тому времени европейскими историками. Европейское общество, как известно, жило и действовало по одним правилам во времена Римской империи (эти правила описаны как «рабовладельческое» общество), потом оно, в ходе бурных насильственных пертурбаций V-VI веков, перешло к жизни уже по другим правилам (правилам «феодалного» общества), а потом, также в ходе революций XVII-XIX веков, перешло к жизни еще по иным, новым правилам (правилам «буржуазного» общества).

Если даже эмпирически экстраполировать последовательность перемен в будущем, то возникает уверенность, что череда изменений в Европе на этом не остановится, и в будущем ее ожидают новые потрясения и переход к иным общественным порядкам. В самом деле, почему бы то, что наблюдалось на протяжении всей предшествующей истории Европы, должно прекратиться в будущем? Между прочим, именно на такой же, чисто эмпирической экстраполяции основана и знаменитая теория длинных волн российского ученого Н. Кондратьева, считающаяся вполне respectable теоретическим достижением. Но, конечно, Маркс с Энгельсом основывались не только и даже не столько на этой эмпирической экстраполяции. Их теория состояла в нахождении причинного объяснения социальных переворотов (включавшего и элементы телеологизма). Историки открыли периодичность социальных переворотов, а Маркс с Энгельсом предложили их научное (рациональное) объяснение. Они были уверены в том, что открыли причину и механизм этих исторических процессов, которую увидели в неуклонном прогрессе производительных сил общества. Любое общество стремится к максимально быстрому развитию своих производительных сил и не может не стремиться к этому, т. к. иначе оно либо полностью исчезнет (в случае деградации), либо будет подчинено более развитыми обществами, которые вовлекут его в свое прогрессивное развитие.

Это — первый и самый главный постулат, все остальное производно, вторично. При этом понятие производительных сил общества оставляется лишь интуитивно ясным, а его дискурсивное уточнение не проводится. Попытки такого уточнения стали делаться уже после победоносного шествия этой теории и они столкнулись со значительными трудностями. «Самое замечательное в этой доктрине, — писал критик марксизма, австрийский экономист Л. Мизес, — в ней не дано определение основного понятия — материальных производительных сил. Маркс нигде не говорит нам, что он имеет в виду, когда ссылается на материальные производительные силы. Мы должны вывести это из редких исторических иллюстраций его доктрины. Самый откровенный из этих случайных примеров можно найти в его книге «Ничета философии», опубликованной в 1847 г. на французском языке. Читаем: Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [9]. Замечание Мизеса, в принципе, правомерно, но оно не достигает цели. В любой научной теории ее исходные понятия и постулаты зачастую принимаются без доказательств и строгих определений — как интуитивно очевидные и интуитивно ясные. Именно так обстоят дела не только в «Началах» Евклида или в «Началах» Ньютона, но и в теории Дарвина, в которой тоже не объясняется досконально, что такое «наследственность», «изменчивость» и «естественный отбор» — все это принимается как интуитивно ясное. Требование предварительного четкого формального (дискурсивного) определения исходных понятий равносильно, как установил Аристотель, запрету на теоретическое мышление вообще. Никакая теория никогда не будет построена, если требовать изначально формально коррект-

ного определения ее исходных понятий и доказательства ее аксиом (постулатов); они должны быть просто приняты как интуитивно ясные. И точно так же дело обстоит и с первым постулатом теории Маркса (как и со всеми остальными ее постулатами).

Второй же постулат этой теории заключается в том, что социальные порядки (правила, по которым живет общество) безразличны к росту его производительных сил, а могут либо тормозить его, либо ускорять, будучи при этом склонными к консервативности, неподатливости к изменениям. Поэтому рано или поздно в обществе прогрессирующее развитие производительных сил неизбежно «натывается» на сдерживающие его рамки, мешающие их дальнейшему прогрессу. Но почему же общественные порядки не могут изменяться в соответствии с прогрессирующим развитием производительных сил? Ведь ясно же, что это было бы наилучшим выходом для всего общества и выгодно всем? На этот вопрос отвечает третий постулат марксизма, гласящий, что в обществе всегда есть господствующие классы, которым выгодны именно старые, а не новые порядки, поскольку их собственное господство и основано именно на старых порядках.

Но, поскольку прогресс производительных сил неизбежно порождает и новые социальные классы, которым этот старый порядок начинает мешать, то между старыми господствующими классами, выступающими за консервацию порядков, и новыми классами, выступающими за их отмену и замену новыми порядками, назревает социальный конфликт, который и разрешается всегда в ходе социальной революции — более или менее кровавой, но всегда насильственной и, с точки зрения старых порядков, — незаконной, нелегальной.

Таков вполне ясный и понятный механизм возникновения революций, предлагаемый теорией Маркса. Такова сама суть этой теории, которая предсказывает только саму неизбежность (необходимость) революций, не предсказывая их ни с какой математической точностью. Поэтому критиковать ее по несбывшимся (субъективным) прогнозам на тот или иной, назначенный кем-то срок, — некорректно. Ее можно критиковать только за сам предлагаемый ею механизм общественного развития.

Но, поскольку эта теория основана не столько на строгих и четко определенных понятиях, сколько на интуитивных и даже метафорических представлениях («производительные силы», «производственные отношения», «социальные классы», «базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание» и т.д.), то можно критиковать ее именно за нечеткость и расплывчатость этих ее исходных основ, что на самом деле постоянно и делалось, и делается. «... Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория» — отмечает Мизес [8]. «Понятия базиса и надстройки, — вторит ему известный французский социолог Р. Арон, в целом, вполне благосклонно относившейся к этой теории, — ... неясны и допускают бесконечные спекуляции» [2]. Но то же самое можно утверждать и про все остальные исходные понятия, на которых основана эта теория. Но стоит и повторить, что этот характер теории Маркса не представляет собой чего-то исключительного в области научного познания. Попробуйте, например, четко определить, что понимают физики под интуитивно ясным, но таким загадочным понятием (или представлением) силы (или массы). И что останется от современной физики, если лишить ее этого неопределенного понятия? Тем не менее, в основу теории Маркса положены все же не просто неопределенные и ни на чем не основанные понятия, а понятия интуитивно ясные и не противоречащие ни в чем ни повседневному опыту, ни известным на тот момент и научно установленным фактам. Поэтому критика ее никогда не достигала целей и не могла стать более убедительной, чем сама эта теория. Но эта теория может критиковаться и с различных других ее сторон. «Всякая теория, — подытоживал Р. Арон, — стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для простаков, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет».

Но почему же теория Маркса не осталась всего лишь научной теорией, а стала (сознательно стремилась) еще и «идеологией политического движения» и даже «официальной доктриной государства»? Почему она не осталась просто теорией, объясняющей любую социальную революцию?

Дело в том, что теория Маркса не останавливалась на простом объяснении социальных революций и предсказании их неизбежности в будущем (в таком виде она вполне совместима с современными канонами научности, поэтому и принимается и современной социальной наукой), но она шла и значительно дальше. Предсказывала, в частности, что следующая социальная революция в Европе будет не просто революцией, а социалистической, отрицающей частную собственность на средства производства вообще и любые социальные порядки, основанные на принципе частной собственности. Будущая революция, убеждены марксисты, введет совершенно новые порядки, основанные на принципе общественной собственности на средства производства. Откуда же они могли знать, что будущая революция будет именно социалистической? Ведь из принципов теории Маркса, описанных выше, это ни в коем случае не следует. Утверждается лишь то, что на каком-то этапе развития производительных сил «буржуазного» общества должны появиться какие-то новые социальные силы, которым старые порядки должны казаться тормозом к дальнейшему прогрессивному развитию. Эти силы должны были расти и крепнуть, и на каком-то этапе вступить в конфликт с господствующими классами буржуазного общества, держащимися за старые порядки, затем произвести насильственное изменение в общественных порядках в интересах всего общества (его материального прогресса).

Поэтому, прежде всего, странно уже то, что Маркс увидел в качестве такого класса пролетариат. Ведь предыдущие революции (рабовладельческая, феодальная и буржуазная) хотя и происходили с неперенным участием общественных низов, но не по их инициативе — будущие рабовладельцы, феодалы и капиталисты относились к верхам общества. Почему же тут вдруг именно пролетариат (низы общества) выступит ведущей революционной силой? Почему не какие-либо социальные группы из высших слоев общества? И эмпирически, и теоретически выбор пролетариата в качестве революционной силы у Маркса не был обоснованным.

Но, во-вторых, еще более важно то, что новый переворот, по мысли Маркса, должен отрицать не просто ближайший ему прежний социальный порядок (буржуазный), но он должен был отрицать и прежние порядки того же самого рода, то есть все порядки, основанные на принципе частной собственности. На смену этому принципу должен будет прийти принцип общественной собственности как его полная противоположность. Капитализм («буржуазное общество»), рассматриваемый Марксом как самое совершенное — крайнее — развитие принципа частной собственности, должен был перейти в свою противоположность. Но неизбежность такого перехода не могла следовать из теории Маркса (в которой для этого нет совершенно никаких предпосылок), и она могла следовать, как это совершенно верно и замечает Поппер, только из диалектической логики Гегеля, которую Маркс, как мы знаем, признавал в качестве методологической основы своей теории [10].

Будучи гегельянцем в начале научной деятельности, и «перевернув потом с головы на ноги» гегелевскую логику, Маркс, видимо, не отказался полностью от ее основных положений и даже сделал эту науку руководящей основой в научных исследованиях. По меньшей мере, так неоднократно утверждал сам Маркс, и Поппер (некритически) принимает такое объяснение. Поэтому и другая важнейшая часть критики марксизма сосредоточена на попытке дискредитации диалектической логики как методологии научного познания вообще и социального познания, в частности. К. Поппер утверждает, что в основу этого подхода положена гегелевская диалектика, суть которой, в свою очередь, состоит в том, что отвергается основной закон логики — закон противоречия. Отрицание же этого закона, доказывает Поппер, позволяет диалектике ускользать от всякой критики — ее практически нельзя опровергнуть, поскольку из противоречивых высказываний можно вывести все, что угодно, и все это будет считаться научно обоснованным. Но основной критерий научности в том-то и состоит,

согласно методологии самого Поппера, что теория должна поддаваться опровержению, — иначе она ненаучна. То, что принципиально нельзя опровергнуть — ненаучно, и поэтому не заслуживает никакого доверия. Но именно такую теорию и представляет собой марксизм. Благодаря его диалектичности, марксизм не поддается никакой критике и его принципиально нельзя опровергнуть — следовательно, он ненаучен. (все по Попперу здесь просто). «Маркс и Энгельс, — пишет Поппер, — настойчиво утверждали, что науку не следует интерпретировать как массив, состоящий из окончательного и устоявшегося знания или из «вечных истин», но надо рассматривать ее как нечто развивающееся, прогрессирующее. Ученый — это не тот человек, который много знает, а тот, кто полон решимости не оставлять поиск истины. Научные системы развиваются, причем развиваются, согласно Марксу, диалектически. ... Реальность, однако, такова, — говорит Поппер, — что марксов прогрессивный и антидогматический взгляд на науку на деле никогда не проводился ортодоксальными марксистами. Прогрессивная, антидогматическая наука критична, в критике — сама ее жизнь. Но марксисты никогда не отличались терпимостью к критике марксизма, диалектического материализма! ..Поэтому антидогматическая установка Маркса проводится только в теории, а не в практике ортодоксального марксизма, диалектика же используется марксистами, по примеру энгельсовского «Анти-Дюринга», главным образом в апологетических целях — для защиты марксизма от критики.» [10].

Нужно заметить прежде всего, что в этой критике Поппера внимание сосредоточено не на том, что говорили Маркс с Энгельсом, а на том, что стали говорить после них последователи — «ортодоксы», которые и действительно, как мы знаем, на определенном этапе этого учения впали в жесткий догматизм и потому вполне заслужили упреки, высказанные Поппером. Но, строго говоря, Маркс с Энгельсом не несут за это ответственности.

В самом деле, известно, что Маркс никогда явно не формулировал принципы своего «диалектического» метода, которым он пользовался в своих исследованиях, но он иногда делал это косвенно, позволяя говорить за себя другим. Так, в частности, в Послесловии ко второму изданию первого тома своего «Капитала» он одобрительно цитирует русского экономиста И.И. Кауфмана, описывающего «метод Маркса» следующим образом: «Иному читателю, — писал Кауфман, — может при этом прийти на мысль и такой вопрос ... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует ... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы ... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений ... Старые, экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии ... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические» [7].

Приведя эти рассуждения Кауфмана, Маркс замечает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [7].

Однако это замечание Маркса способно вызвать только недоумение. Ведь почти все, что написал там Кауфман, представляет собой научный вздор. Все это не имеет никакого отношения не только к диалектическому методу, но и просто к научному методу вообще. Не может быть никаких частных законов, которые не имели бы под собой некоторых общих законов. Частного без общего вообще не существует. Все это, повторяем, полный вздор (объясняющийся, может быть, только тем, что оба фигуранта этого обсуждения — Кауфман и Маркс — смешивают неизменные объективные экономические законы с социальными порядками, которые в истории, действительно, постоянно меняются, — иначе говоря, смешивают объективные законы природы с субъективными юридическими законами, — с законо-

дательством).

При этом, конечно, верно, что домарксовские экономисты (Смит, Риккардо и др.) приписывали первобытному обществу те социальные порядки, которые они наблюдали в современном им обществе. Что доказывает только наивность этих экономистов, а не отсутствие самих общих категорий и законов экономической реальности. Они принимали частное и особенное за всеобщее, что было их ошибкой, но само их стремление найти такое общее было совершенно правильным, и грубейшей ошибкой является как раз отказ от поисков такого всеобщего. И во всяком случае такой отказ невозможно приписать ни самому Гегелю, ни его диалектике.

В своей критике гегелевской логики он сосредоточил все внимание на том, что эта логика отвергает закон противоречия в качестве необходимой методологической основы мышления (познания) и, что еще более важно для Поппера, — основы всякой рациональной критики. Гегель действительно отвергает этот закон мышления и противопоставляет ему противоположный принцип: что непротиворечиво, то истинно. Иначе говоря, гегелевская логика требует противоречивости как необходимого (формального) условия истинности теоретического мышления, тогда как традиционная логика требует, наоборот, его непротиворечивости. И в этом действительно заключается основной пункт спора между традиционной (аристотелевской) и диалектической (гегелевской) логикой. Сам Поппер однозначно решает этот спор в пользу первой. На каком же основании он это делает?

На том основании, что закон противоречия якобы является необходимым условием любой критики. Ибо любая критика, по Попперу, — это именно указание на противоречия в той или иной теории. Если «отнять» у ученых закон противоречия, то никакая критика станет вообще невозможной. А значит — станет невозможной и сама наука! Ибо наука, согласно Попперу, развивается только посредством критики. Более того, у него тоже наука развивается именно посредством критики, причем тотальной. Но как же возможна критика без апелляции к противоречиям? Поппер считает это невозможным.

При этом в отношении любой теории он указывает на существование трех видов противоречий. Во-первых, — это могут быть противоречия в рамках самой научной теории. Если в ней можно вывести некоторое утверждение и его отрицание, то такая теория сразу же бракуется по формальным основаниям (без обращения к опыту и фактам), так как в ней нарушается закон противоречия. Последний здесь выступает в качестве формального негативного критерия истинности теории. Не может быть истинной теории, если она противоречива.

Мы должны однако заметить, что классическая теория (понятие) истины (истинности) вовсе не накладывает столь сильных ограничений на наше знание. Согласно этой теории, истина есть знание, соответствующее своему предмету. В ней не говорится, что истина — это непротиворечивое знание. Более того, если предмет познания сам по себе противоречив, то и знание, чтобы быть истинным относительно этого предмета, тоже обязано быть противоречивым. Иначе оно не будет соответствовать своему предмету, а значит — не будет истинным знанием о нем. Именно так и подходит к делу гегелевская логика. Утверждая, что все сущее в этом мире противоречиво, несет противоречие в себе, она именно поэтому и от знания требует быть противоречивым — иначе оно не будет истинным!

Второй вид противоречий, выделяемых Поппером, — это противоречия между теориями и фактами. Сама теория может быть формально непротиворечивой, но если она противоречит фактам, то она тотчас признается ложной, несмотря на свою непротиворечивость, и на этом основании тоже бракуется. Таким образом, противоречие между теорией и фактами признается более сильным, чем формальная непротиворечивость самой теории. Но это тоже вполне согласуется и с точкой зрения гегелевской логики — именно на этом основании она и требует от знания быть противоречивым. Если факты противоречивы, то должна быть противоречивой и объясняющая их теория.

Наконец, третий вид противоречия, рассматриваемый Поппером, — это противоречия между двумя теориями. Если мы имеем две одинаково непротиворечивые теории, которые однако противоречат друг другу, то мы должны выбрать из них только какую-то одну, а

именно, — ту, которая соответствует фактам. Таково требование, вытекающее из признания закона противоречия и основанной на нем традиционной логики и методологии науки, принимаемой и отстаиваемой Поппером.

Но как же быть ученому в том случае, когда обе противоречащие друг другу теории в одинаковой степени подтверждаются фактами? Для современной науки такой случай не представляет собой чего-то экзотического. Известно, например, что есть две противоречащих друг другу теории световых явлений: одна из них, идущая от Ньютона, утверждает, что свет — это корпускулы (фотоны). А другая, идущая от Френеля, настаивает на том, что свет — это не корпускулы, а волны. В любом случае, и волновая, и корпускулярная теории света одинаково хорошо согласуются с фактами и, следовательно, одинаково хорошо опровергаются ими же. Факты, подтверждающие волновую теорию света, тем самым опровергают его корпускулярную теорию, а факты, подтверждающие последнюю, опровергают его волновую теорию. На этом основании невозможно выбрать ту или иную из них, и современной науке не остается ничего иного, как признать истинными их обе. Но не является ли это опровержением требования неперемного выбора только одной из двух противоречащих друг другу теорий? Конечно, является. И сам Поппер просто обязан был признать в данном случае, что его методология, основанная на законе противоречия, не работает, что она неадекватна научному познанию и является методологическим препятствием к достижению истины.

Разобрав случай с этими двумя теориями света и признав, что нужно принять их обе, более того, даже согласившись, что в данном случае диалектическая логика оказывается более адекватной методологией, чем теория, запрещающая противоречия, он, тем не менее, делает только тот вывод, что «мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей (диалектике — А.М.) лишних достоинств» [10]. Уклонившись, таким образом, от признания поражения своей методологии, — ведь обе эти теории опровергнуты фактами и обе должны быть отброшены! — Поппер вновь возвращается к ней и продолжает настаивать на ее универсальной значимости и незаменимости.

Но не делает ли он тем самым свою теорию тоже «непотопляемой» и, стало быть, ненаучной? Последнее, видимо, просто не приходит ему в голову. Тем не менее, для всякого непредвзятого ума, рассматривающего вышеописанную коллизию, проблема здесь действительно существует и требует какого-то внятного решения. С одной стороны, противоречия существуют и даже допускаются в такой «эталонной» и ушедшей, по всеобщему мнению, далеко вперед от всех прочих науке, как современная теоретическая физика; а, с другой, — если допустить противоречивые теории, то это будет означать не только крах всех попыток критиковать их (как можно критиковать противоречивые построения?!), но и крах самой теоретической науки как таковой (ведь из противоречащих друг другу посылок можно вывести все, что угодно!).

На наш взгляд, решение всех этих затруднений и парадоксов имплицитно содержится в рассмотренном выше случае с физической теорией световых явлений. Противоречие там допускается не в рамках самих теорий, а в рамках лишь всей науки о них в целом (в рамках всей оптики). Каждая из двух теорий — корпускулярная и волновая — оставляется внутренне непротиворечивой (иначе невозможно логическое выведение всех следствий из принимаемых ею постулатов), но одновременно с этим признается, что и противоположная ей непротиворечивая теория тоже обладает объективной значимостью, поскольку она тоже подтверждается опытом (фактами). Более того, признается, что ни одна из этих теорий не способна по отдельности выразить истину, и только обе они вместе эту истину выражают. Тем самым признается справедливость гегелевского принципа — что не противоречиво, то не истинно. Но вместе с тем признается и необходимость непротиворечивого развития каждой из сторон этого противоречия в противоположные друг другу непротиворечивые теории.

Так, противоречие переносится из сферы отдельной теории (которые оставляются непротиворечивыми) в сферу их высшего единства, составляющего науку. Противоречивыми должны быть науки в целом, а не отдельные, составляющие их теории. Ведь наука — это и есть некоторое сложное единство: 1) накопленных и проверенных ею фактов, 2) различных

теорий, призванных объяснять эти факты, и 3) различных методов сбора этих фактов, построения этих теорий и организации всей науки в целом. Диалектика, таким образом, является логикой развития (и методом организации) всей науки в целом, но не методом построения ее отдельных теорий и их проверки. Ею руководствуется (должна руководствоваться) вся наука в целом, но не отдельный ученый, создающий конкретную теорию.

Если мы обратимся теперь к самому автору диалектической логики — Гегелю, — то увидим, что он и действительно трактовал ее именно таким образом. В самом деле, его «Лекции по истории философии» описывают противоречивое развитие самой философии в целом как особой науки, а не развитие какой-либо отдельной философской теории. Он понимал, в частности, что те же Платон с Аристотелем, например, не противоречили сами себе (точнее, не стремились к этому, а стремились к непротиворечивости своих построений), но они противоречили друг другу и другим философам, которые, в свою очередь, противоречили им и всем другим авторам различных теорий. По сути, противоречивой внутри себя была вся наука, а не ее отдельные теории. И именно эти противоречия между всеми учеными и их взаимная критика теорий друг друга и двигали всю эту науку вперед по пути развития знания в целом. Никакая отдельная теория не способна выразить истину познаваемого всей наукой предмета — ее способна достигать только вся наука в целом, взятая во всей совокупности своих теорий, фактов и методов. Посему, диалектика как логика науки не только не устраняет критики, но, наоборот, она требует ее, причем — тотальной. Здесь будет полезно коснуться кратко и одного бытующего до сих пор заблуждения — об относительной незрелости (или несовершенстве) социального познания, по сравнению с познанием естественнонаучным. Проявление этой незрелости видят обычно в том, что гуманитарии и до сих пор все еще не могут никак договориться между собой даже и по самым принципиальным вопросам их наук, тогда как среди физиков и химиков, например, давно уже якобы достигнут консенсус чуть ли не по всем принципиальным вопросам их наук. Американский ученый Л. Лаудан, исследователь проблемы консенсуса и диссенсуса в науках, описывает этот устоявшийся предрассудок следующим образом. «Большая часть ученых, — пишет он, — работающих в какой-либо области или подобласти естествознания, вообще говоря, обычно находится в согласии относительно подавляющего числа посылок своей дисциплины. Они обычно находятся в согласии относительно многих объясняемых явлений и широкого класса количественных и экспериментальных методик, служащих для установления «фактуальных утверждений». Кроме этого согласия в сфере того, что подлежит объяснению, имеется согласие на уровне объяснительных и теоретических сущностей. <...> Интуитивная мера этой колеблющейся степени согласия проистекает из сравнения естественнонаучных учебников с текстами, скажем, по философии и социологии. (И такие сравнения послужили для философов и социологов, аккуратно наблюдавших за наукой, отправной точкой для заключения о высокой степени консенсуса в естественных науках). Философы печально известны своими дебатами по фундаментальным вопросам философии, и между конкурирующими школами философов очень мало согласия даже по периферийным вопросам.

Неудивительно поэтому, что философские тексты, написанные, скажем, томистами, имеют очень мало общего с текстами, написанными позитивистами. Социологи подобным же образом разделены на ряд воюющих лагерей, причем до такой степени, что существуют вопиющие различия в учебниках, написанных, скажем, марксистами, герменевтиками, феноменологами, функционалистами и социометриками. Естественные науки просто не таковы, и это отмечали многие философы и социологи 50-60-х годов» [3]. Между прочим, если перевести этот предрассудок на язык методологии «критического рационализма», то гуманитариев следовало бы, наоборот, хвалить за их бескомпромиссную критичность по отношению к теориям друг друга, а физиков, наоборот, следовало бы порицать за их излишний конформизм. Другое дело, что этот взгляд на положение дел в науке не соответствует действительности, и на самом деле и в естествознании мы имеем ничуть не меньше противоречий в теоретических подходах, чем в области социально-гуманитарного знания. Если же учесть еще и то, что сам предмет естествознания по своей природе неизмеримо беднее предмета социаль-

но-гуманитарных наук, то, наоборот, уже и то количество противоречий, которое имеется в области естествознания, покажется нам уже чем-то удивительным и чрезмерным.

«Теории в науке, — отмечает тот же Л. Лаудан, — изменяются быстро — общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией. Однако иногда эти изменения могут обернуться продолжительными перепалками, приводящими к основательным разделениям внутри научного сообщества по вере и верности. Все упомянутые расколы были расколами между видными учеными, между теориями, длились по несколько десятилетий и не было счета разумной аргументации с обеих сторон. Ситуации, вроде упомянутых, — заключает Л. Лаудан, — ясно показывают, что, какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле недостаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии» [3].

С нашей же точки зрения, отсюда следует совсем другой вывод: «сила, исходящая из правил и норм науки» и является глубинной причиной всех этих разногласий, поскольку наука стремится постичь истину своего предмета, а все предметы в этом мире противоречивы. Не сварливый характер ученых заставляет их постоянно ссориться между собой и критиковать друг друга, а сам предмет их исследования и требование стремиться к истине. Каждый ученый стремится построить непротиворечивую теорию предмета, но у всех вместе это получиться не может, поскольку истина противоречива. Поэтому и споры неизбежны в естествознании не меньше, чем в социальных и гуманитарных науках. Следует видеть в этих противоречиях норму и истину, а не досадное отклонение от таковых. Конечно, не возбраняется (и было бы желательным), чтобы и сами отдельные ученые, создающие те или иные теории, учитывали требования диалектической логики и не пытались бы во что бы то ни стало уничтожить (опровергнуть) теории других ученых, исходящих из противоположных по отношению к ним принципов. Более того, было бы хорошо, чтобы они даже и приветствовали создание и развитие таких теорий, понимая, что истина достижима только их совместными усилиями, хотя они и противоречат друг другу.

Применяя теперь это мерило к теории Маркса и Энгельса, легко заметить, что они на деле следовали прямо противоположной логике, а именно, — старались во что бы ни стало доказать, что теории, исходящие из противоположных по отношению к ним принципов, — ложны. В частности, они отвергали гегелевский (и контовский) подход к развитию общества как «идеалистический», все теории стоимости в экономической науке, противоречащие их «трудовой теории» — как «вульгарные»; все индивидуалистические теории общества (М. Вебер), противоречившие их холистическому принципу, — как «буржуазные» и т.д. Кроме того, диалектическая логика, в том виде как изложил Гегель, требует разрешения противоречия в синтезе противоположностей, в их «примирении», посредством которого противоречие ни в коем случае не уничтожается, а только лишь «снимается», то есть одновременно и устранивается, и сохраняется. В марксистском же подходе упор делается именно на уничтожении самого противоречия посредством уничтожения одной из противоположностей в пользу другой. Именно из такой логики и следовал вывод, что грядущей социальной революцией принцип частной собственности в обществе будет совершенно уничтожен и общество перейдет полностью к принципу общественной собственности. С точки зрения логики Гегеля, такое попросту невозможно (ибо противоречивость неустранима), и, в лучшем случае, можно было бы говорить лишь о примирении обоих этих принципов и о нахождении некоторого разумного сосуществования между ними. Гегелевское положение о том, что истина конкретна, означает то, что она есть единство противоположностей, а вовсе не победа одной из них.

Но диалектическая логика не является той логикой пролиферации всех и всяких теорий, к которой в конце концов пришла и антидиалектическая — позитивистская — методология, развивавшаяся параллельно советской в западной философской мысли. От так называемого методологического анархизма (Фейерабенд и др.) она отличается тем, что в ней допускаются не всякие теории (объяснения), которые только могут взбрести кому-либо в голову, а лишь те и только те, которые являются развитием логически противоположных принципов, по отношению к уже проверенным теориям, и остающиеся, при этом, полностью в

рамках самой науки с соблюдением всех ее основных требований к научному познанию (объективность, рациональность, обоснованность, истинность). В согласии с этими требованиями, критерием истинности научного познания признается лишь сама объективная реальность, не зависящая в своем бытии от нашего познания оной. Ее право на вынесение окончательного приговора в отношении любых теорий никем не может оспариваться. Не субъект должен решать, что есть истина, а сама объективная реальность.

Поэтому и сама по себе противоречивость той или иной науки не является окончательным доводом в пользу ее истинности. Из истории науки нам хорошо известно, что во многих случаях противоречие оказывалось неистинным, не подтверждавшимся опытом, и потому одна из двух конкурировавших теорий должна была признать истинность ее соперницы (так, были отброшены на основании опыта теории теплорода, флогистона, теория гомункулов и др. в пользу конкурирующих с ними теорий). Иначе говоря, диалектическая логика не может применяться бездумно и так сказать механически. Она, так же, как и традиционная (формальная) логика, не может служить органом научного познания. Но она может предотвращать ложные направления развития в различных науках, экономя при этом значительное количество усилий ученых, растрачиваемых обычно на бесплодные споры и нереализуемые в принципе научные программы. Сохраняя значение традиционной (аристотелевской) логики и теории истины, диалектическая (гегелевская) логика и теория истины, вместе с тем, ограничивает область ее применения и позволяет тем самым теории научного познания продвинуться вперед. А это продвижение, в свою очередь, должно благотворно сказаться и на развитии всех частных наук — как естественных, так и социальных.

Список литературы

1. Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era*. New York, 1971.
2. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. — М., 1992.
3. Лаудан Л. *Наука и ценности // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Ответственный редактор-составитель Л.А. Микешина. Научный редактор Т.Г. Щедрина*. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2006.
4. Ленин В.И. *Три источника, три составные части марксизма // Полное собрание сочинений*, 5 изд., том 23.
5. Мамедов А. К. *Методологические основания социального познания // Социология*. — 2015. — № 4. — С. 17–33.
6. Мамедов А. К. *Самопрезентация социологии в научном знании // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. — 2016. — № 2.
7. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. — М., 1969.
8. Мизес Л. *Бюрократия. Антикапиталистическая ментальность. Запланированный хаос*. — М., 1993.
9. Мизес Л. *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. — М., 2001.
10. Поппер К. *Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ.* — М.: ООО «Издательство Аст»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
11. Семенов Ю.И. *Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. — М., 2003.
12. Тош Дж. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. — М., 2000.

Сведения об авторах

А. К. Мамедов - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, aktmnauka@gmail.com

UDK 316.354:351/354

PROBLEM CAUSES OF SOCIAL KNOWLEDGE (POLEMICAL NOTES)

A.K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University

The article raises urgent questions of varying interpretations of social knowledge. Presents the point of view of prominent scientists in various fields of science with interdisciplinary communication and sociology. Recruited extensive material of great historical period, from Aristotle to the present day. Article findings can serve as a fundamental basis for further research.

Keywords: *social cognition, social theory, scientific analysis, the principle of historicism, the social order.*

References

1. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.
2. Aron R. Jetapy razvitija sociologicheskoj mysli. — M., 1992.
3. Laudan L. Nauka i cennosti // Filosofija nauki: Jepistemologija. Meto-dologija. Kul'tura: Hrestomatija: Uchebnoe posobie dlja vuzov / Otvetstvennyj redaktor-sostavitel' L.A. Mikeshina. Nauchnyj redaktor T.G. Shhedrina. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Izdatel'skij dom mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2006.
4. Lenin V.I. Tri istochnika, tri sostavnye chasti marksizma // Polnoe sobranie sochinenij, 5 izd., tom 23.
5. Mamedov A. K. Metodologicheskie osnovanija social'nogo poznanija // Sociologija. — 2015. — № 4. — S. 17–33.
6. Mamedov A. K. Samoprezentacija sociologii v nauchnom znanii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18: Sociologija i politologija. — 2016. — № 2.
7. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii. T. 1. — M., 1969.
8. Mizes L. Bjurokratija. Antikapitalisticheskaja mental'nost'. Zaplanirovannyj haos. — M., 1993.
9. Mizes L. Teorija i istorija: Interpretacija social'no-jekonomicheskoi jevoljucii. — M., 2001.
10. Popper K. Predpolozhenija i oproverzhenija: Rost nauchnogo znanija: Per. s angl. — M.: OOO «Izdatel'stvo Ast»: ZAO NPP «Ermak», 2004.
11. Semenov Ju.I. Filosofija istorii. (Obshhaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei). — M., 2003.
12. Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. — M., 2000.

Author's information

Mamedov A. K. - Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Sociology of communication systems, Lomonosov Moscow State University, akmnauka@gmail.com